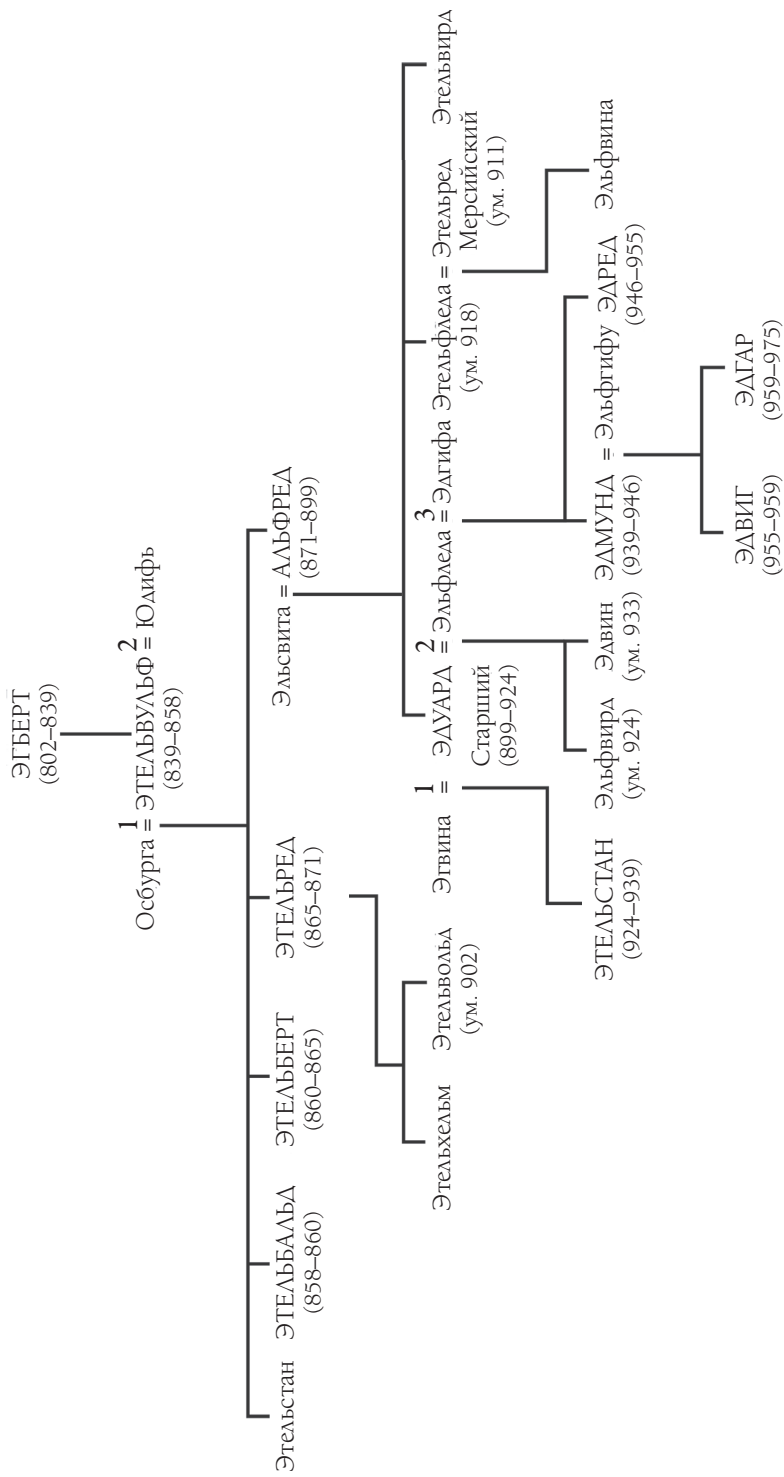
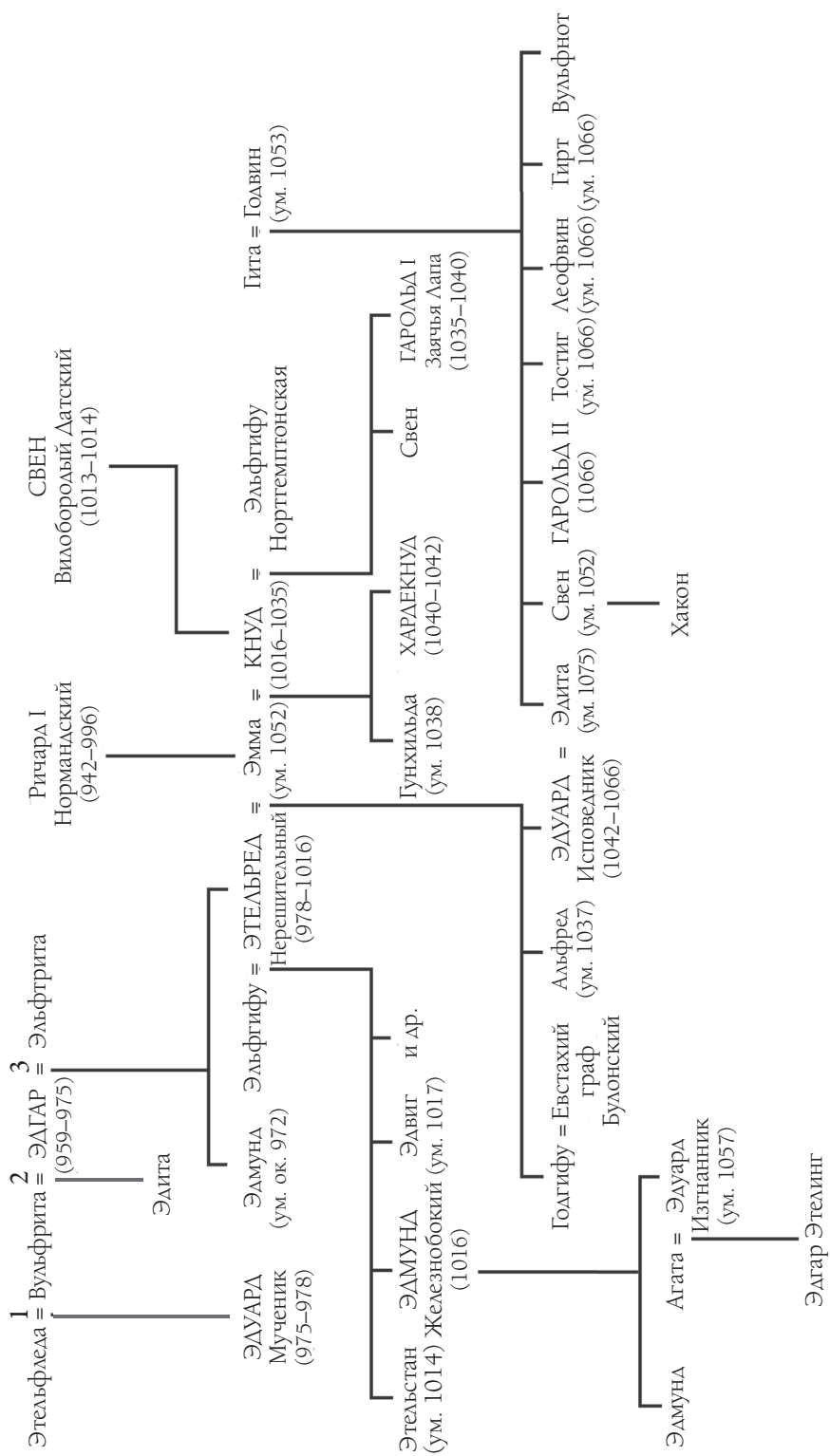

СОДЕРЖАНИЕ

Генеалогия	viii
Благодарности	x
Введение	1
1. Погибель Британии. Падение Рима и приход саксов	9
2. Ясени битв и дарители колец. Первые короли и королевства	45
3. Избранное орудие Божье. Святой Вильфрид и становление христианства	85
4. Английская империя? Король Оффа и возвышение юга	131
5. Буря с севера. Набеги викингов на Британию и Франкию	169
6. Собрание земель. Альфред Великий и рождение нации	199
7. Империя наступает? Король Этельстан и завоевание севера	243
8. Одна нация под Богом. Святой Дунстан и борьба за единообразие	273

9. Король, который слушался дурных советов. Этельред Нерешительный и предчувствие апокалипсиса	309
10. Сумерки. Возвышение дома Годвина	355
Заключение	396
Сокращения	402
Примечания	404
Библиография	439
Алфавитный указатель	459
Список иллюстраций	483

ВВЕДЕНИЕ

Работая над этой книгой, я не раз спрашивал самых разных людей о том, что первым приходит им на ум, когда они вспоминают об англосаксах. Все, разумеется, отвечали по-своему, однако были два ответа, которые повторялись значительно чаще других. Первый — сокровища из Саттон-Ху, которые были найдены в 1939 году и ныне находятся в Британском музее. Второй — гибель короля Гарольда в битве при Гастингсе, случившейся, как всем известно, в 1066 году.

Удивляться тут нечему: сокровища из Саттон-Ху, некогда уложенные в погребальную ладью вместе с их владельцем и укрытые под холмом земли, и по сей день считаются наиболее значительным собранием англосаксонских артефактов, когда-либо найденных в земле. Даже если название Саттон-Ху вам незнакомо, вы почти наверняка опознаете самые знаменитые находки из захоронения, например шлем с очень узнаваемой лицевой маской, который бесчисленное число раз появлялся на обложках разнообразных книг и журналов.

Что до гибели короля Гарольда в битве при Гастингсе, то этот сюжет широко известен, поскольку именно он ведет непосредственно к Нормандскому завоеванию Англии, а кроме того, увековечен на гобелене из Байё, который также относится к числу самых известных произведений искусства, переживших века.

Что же объединяет эти две популярнейшие «англосаксонские» темы? Они отстоят друг от друга почти на полтысячелетия — пять веков, каждый из которых имел свой неповторимый облик. Гарольд правил единым королевством, которое современники звали Англией и которое лежало практически в тех же границах, что и сегодня. В этом мирном и процветающем государстве развивалась экономика, в изобилии чеканилась серебряная монета, стояли десятки мелких и крупных городов и портов. Страна была христианской: шест-

Рис. 1. Шлем из Саттон-Ху

надцать соборов, около шестидесяти монастырей, тысячи церквей, разбросанных тут и там.

Но в эпоху, к которой принадлежит захоронение Саттон-Ху, дело обстояло совсем иначе. Земля, которой еще только предстояло стать Англией, выглядела как лоскутное одеяло из мелких королевств, которые беспрестанно грызлись друг с другом ради мимолетной выгоды. На всей этой территории не было ни одного поселения, которое насчитывало бы больше нескольких сот жителей, не было серебря-

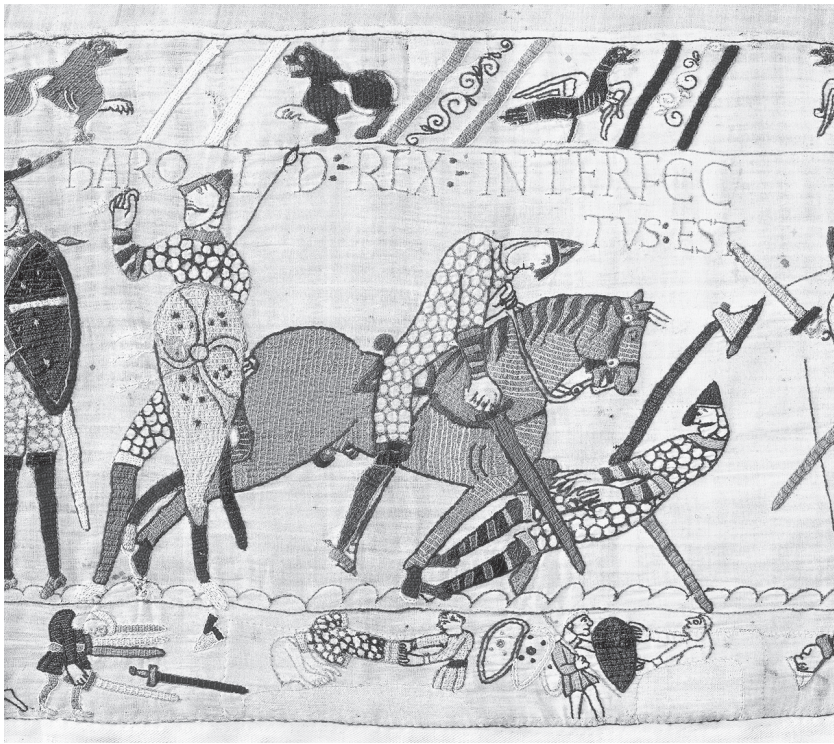

Рис. 2. Гобелен из Байё: смерть короля Гарольда

ных монет, да и торговля, как таковая, практически отсутствовала. Христианская религия пришла сюда всего поколение назад и распространялась очень медленно: практически все население оставалось язычниками и поклонялось Тунору, Фриг и Водену. Королю Гарольду, мир которого составляли епископы, города, шеры и шерифы, понятнее была бы Англия позднего Средневековья, нежели народ, который четырьмястами годами ранее похоронил своего вождя в погребальной ладье. Годы, отделявшие Гарольда от этого народа, стали эпохой фундаментальных изменений.

Таким образом, делать какие бы то ни было обобщения относительно «англосаксов вообще» очень трудно и довольно бессмысленно, если только вы не планируете до предела упростить картину. С тем же успехом можно рассуждать, например, о «военном деле у англосаксов», обобщая всю военную тактику с IV по XIX век. По-

этому в данной книге я, как правило, стараюсь избежать обобщений в рассуждениях и стремлюсь лишь отобразить основные этапы социального и политического развития в порядке их следования. В каждой главе я стремился исследовать доминирующую тему конкретного исторического периода. Так, глава 3 посвящена второй половине VII века, ознаменовавшейся активным распространением христианства, строительством монастырей и созданием епархий. Разумеется, одновременно с этим в Британии происходили и другие важные события, и они тоже упомянуты в тексте, однако лишь в качестве второстепенных. При таком подходе огромное количество материала пало жертвой необходимых сокращений, однако описать период, длившийся более семисот лет, от римского владычества до Нормандского завоевания, возможно лишь при соблюдении известной избирательности. Поэтому я решил рассматривать в каждой главе лишь одну основную тему и надеюсь, что благодаря этому сумел описать события тех лет максимально ясно.

Кроме того, почти в каждой главе я выбирал одно историческое лицо и делал его ключевым персонажем. Четыре главы посвящены четырем королям, две — епископам, а одна — конкретному роду (Годвинсоны). Это также было сделано в первую очередь ради ясности повествования, а также потому, что биография человека — это один из способов описать исторические события в более понятном и близком читателю ключе. В то же самое время я не хотел делать из книги набор не связанных между собой исторических портретов, а потому включил в каждую главу множество иных, небиографических материалов, которые посвящены более масштабным рассматриваемым здесь темам и позволяют связать главы воедино. Эта книга задумывалась не как собрание отдельных историй, но как картина возникновения английского народа и становления Англии.

К сожалению, ни в одной из глав вы не встретите героинь женского пола. Объясняется это просто: из глубины веков до нас дошло очень ограниченное количество исторических свидетельств. Современники королей и епископов, к счастью для нас, оставили жизнеописания этих выдающихся лиц, однако жизнеописания королев или аббатис до наших дней попросту не дошли. В колоссальном труде «Церковная история народа англвов», написанном Бедой До-

стопочтенным в начале VIII века, есть несколько кратких отрывков, посвященных конкретным женщинам, имевшим отношение к церкви. Однако затем в источниках не встречается рассказов о женщинах вплоть до середины XI столетия, когда по приказу королей Эммы и Эдиты были написаны политические трактаты, отчасти освещавшие и их собственную жизнь. Однако и в этих поздних источниках, при всей их важности, невозможно набрать материала на целую главу. При этом, что поразительно, мы можем выделить целые периоды, когда та или иная женщина играла центральную роль в политике. Так, в X веке известны несколько случаев, когда юные короли сменяли друг друга с головокружительной быстротой, в то время как их матери сохраняли свое положение при дворе любого из этих правителей и скрепляли королевские указы своей подписью. Однако, не смотря на важное положение этих женщин, прочая их деятельность так и не была отражена в летописях, и их личность и жизненный путь остаются для нас загадкой.

Этот провал в знании может показаться чрезвычайно странным, если учесть, что англосаксонскую эпоху нередко называют золотым веком для женщин. С конца XVIII века принято было считать, что до Нормандского завоевания у английских женщин было значительно больше прав и что они пользовались большим уважением со стороны общества. Как заявил один именитый историк середины XX века, до 1066 года мужчины и женщины «без лишних церемоний»¹. заключали союзы между собой. Впрочем, как это часто бывает, когда речь заходит о золотом веке, картина эта покоится на весьма избирательном подборе крайне ограниченных и спорных источников. Одним из основных этих источников является рассказ римского историка Тацита о германских женщинах, записанный в конце I века н. э. Женщины эти, пишет Тацит, добродетельны, скромны и воздержанны и поддерживают своих сыновей и мужей, благословляя их на доблестные подвиги. Однако все это — не более чем хвалебные рассказы о «варварах», которыми рассказчик-римлянин пользуется для того, чтобы критиковать соотечественников. Он хвалит германских женщин, утверждая, что они, в отличие от римлянок, не знают прелюбодеяний и не имеют привычки впустую растрачивать время в термах и театрах. На практике же мы имеем основания предполагать, что положение женщины в Германии и ан-

гლოსаксонской Англии I века, к сожалению, было ничуть не лучше, чем в более позднее время².

То же самое можно сказать и о мужчинах из англосаксов. Тут представление о золотом веке, который окончился с завоеванием Англии норманнами, имеет еще более долгую историю. В XVI веке, когда Англия порвала с Римом, богословы принялись изыскивать доказательства того, что англосаксонская церковь представляла собой совершенно самостоятельное, исконно английское образование, которое избежало влияния папизма. В период гражданской войны XVII века члены парламента заявляли, что свободы и право на представительство — то, за что они сражались, — имелись еще у их англосаксонских предков, но после 1066 года были утрачены. Практически все это — миф, но миф живучий и повсеместный. В конце XIX века эти представления достигли опасного накала: начались разговоры о расовом превосходстве англосаксов над остальными народами, в связи с чем некоторые современные ученые полагают, что сам термин «англосаксы» следует предать забвению³.

Я не согласен с этими учеными — впрочем, чтобы понять это, достаточно взглянуть на заглавие книги, которую вы держите в руках. Да, сами люди, которых мы сегодня называем англосаксами, редко прибегали к подобному самоназванию и считали себя либо англами, либо саксами. Однако это слово использовалось в конце IX века, при Альфреде Великом, которого чаще всего именовали королем англосаксов, а также при нескольких его преемниках X века. Кроме того, термин «англосаксы» удобен для описания разнородного англоязычного населения, обитавшего в равнинной Британии в период между уходом римлян и прибытием норманнов и обладавшего солидной историей, растянувшейся минимум на пятьсот лет.

Важно постараться увидеть этих людей такими, какими они были на самом деле, отбросив неверные представления, которыми обросла тема за последние столетия. Это непросто — очень уж солидный багаж этих представлений у нас накопился. Из-за произошедшего в XIX веке всплеска интереса к англосаксонским именам разнообразные Альфреды, Эдиты и Гарольды кажутся нам почтенными викторианцами, и отказаться от этого представления чрезвычайно трудно. На самом деле, конечно же, они были совсем не похожи ни на нас, ни на наших недавних предков. Изучая их жизнь, мы найдем

Введение

множество того, что вызовет у нас восхищение: отвагу, благочестие, находчивость, многочисленные таланты, горячую любовь к свободе. Но бок о бок с этим будет идти и нечто гораздо менее приятное: жестокость, нетерпимость, мизогиния, использование рабского труда. Общество тех времен оставило нам произведения искусства, которые поражают воображение наших современников, и институты, которые служат нам и сегодня, но то же самое общество отличалось высочайшим уровнем неравенства, было патриархальным, нетерпимым, теократическим. Да, у нас есть определенные общие черты, однако именно отличие англосаксов от нас увлекает нас больше всего. Не надо обожествлять их; надо их понять.

Наше понимание англосаксов должно опираться в первую очередь на исторические источники, однако сведений о том периоде до нас дошло чрезвычайно мало. За первые два века после окончания римского владычества не осталось буквально никаких письменных источников, поэтому полагаться приходится исключительно на археологические находки. Со временем положение дел начало улучшаться, материалов сохранялось все больше, однако у нас по-прежнему остаются обширные пробелы в знаниях. Иногда узнать о том или ином важнейшем событии мы можем лишь из случайного упоминания в историческом документе или из изображения на одной-единственной найденной в земле монете. В отсутствие непосредственных фактов нередко приходится домысливать случившееся.

Чем меньше фактов, тем больше разногласий. А поскольку powod для разногласий множество, в научном мире идут бесконечные споры. Погрузиться в эту среду — все равно что пытаться плыть по широкой реке с быстрым течением, питаемой сотнями ручейков научных работ, причем любые попытки свести их воедино так же бессмысленны, как попытка остановить водопад. Восстановить в деталях историю интересующего нас периода невозможно. Поэтому я прибегаю к источникам, которые счел наиболее надежными, и к доводам, которые показались мне наиболее убедительными. Где возможно, я буду демонстрировать ход своей мысли, не прерывая, конечно, течения событий, поскольку история тех времен представляет собой занимательнейшее явление. И, подобно старому барду, которого король призывал, дабы услышать рассказ о старине, буду надеяться, что слушатели мои найдут для себя в этом рассказе немало интересного.

БУРЯ С СЕВЕРА

Набеги викингов на Британию и Франкию

В первые месяцы 793 года жители Нортумбрии стали свидетелями целого ряда неблагоприятнейших знамений. «Англосаксонская хроника», опираясь на более старые и ныне утраченные северные анналы, пишет, что в тот год были страшные вихри, сполохи света в облаках «и огненные драконы летали по небу» — вероятно, речь о северном сиянии, которое порой можно видеть над Нортумбрией. В письме от того же года Алкуин из Йорка сообщает, что во время Великого поста над собором в его родном городе пролился дождь цвета крови. Все это рассматривалось как предзнаменования множества бед и несчастий, и, конечно же, весной королевство поразил невиданный голод.

Но то было лишь начало невзгод. 8 июня отряд «языческих воинов» (по выражению хроники) приплыл на кораблях к острову Линдисфарне, разграбил монастырь и убил множество монахов. Алкуин в ужасе пишет о церковном алтаре, залитом кровью, и о гробницах, где хрустели под ногами мощи святых. Упоминает он и о том, что нападавшие не только похитили из аббатства ценные украшения, но и увели с собой монахов помоложе, вероятно намереваясь продать их как рабов.

«Языческие воины», напавшие на Линдисфарн летом 793 года, сегодня более известны как викинги, а описанное в хронике и письмах Алкуина событие является самым ранним зафиксированным набегом викингов в Британии. Можно не сомневаться, что и в пред-

шествовавшие этому событию годы викинги не раз нападали на Британию: самое раннее упоминание о них встречается в хартии короля Оффы от 792 года, в которой упоминаются «морские язычники, бороздящие моря». Но нападение на Линдисфарн стало настоящим потрясением, волны от которого пошли по всей Европе. «Никогда прежде не знала Британия таких жестоких набегов язычников», — писал Алкуин, находившийся при дворе Каролингов, королю Нортумбрии. Ведь Линдисфарн, напоминает Алкуин, — это северная колыбель христианства и место упокоения мощей святого Кутберта. И вот теперь на том самом месте, «где зародилась христианская религия нашего народа, — сокрушается он, — воцарились плач и беспокойствие»¹.

Рис. 15. Памятный камень IX века из Линдисфарна, на котором изображены идущие в атаку вооруженные люди

Кто такие викинги? Начнем с расхожего образа: скандинавские мореходы, заросшие бородами, в рогатых шлемах на головах, корабли с драконьими головами, что в раннем Средневековье бороздили море у берегов Европы, грабя и разоряя поселения. Тут у нас будет два наиболее очевидных анахронизма — рогатые шлемы (увы, это изобретение XIX века, которым мы обязаны создателям театральных костюмов) и само слово «викинги». Слово это тоже обрело популярность в XIX веке, на пике интереса к северным сагам и легендам, в которых слово «викинг» действительно встречается. Вот только саги эти были написаны в XII–XIII веках, то есть спустя много лет после событий, которые в них описаны. В IX веке слово «викинг» использовалось чрезвычайно редко и лишь в староанглийских текстах. Существует с полдюжины теорий о его происхождении, и споры не прекращаются до сих пор. Возможно, это производное от «Викен» (область на юге Норвегии), *vik* (старонорвежское «залив») или *wic* (староанглийское название торговых поселений, вероятно цели викингов). Но так или иначе, значение этого слова очевидно: «пират», «налетчик». Жители же Британии и Франкии, жертвы налетов, почти всегда называли нападавших иначе — «данами», «язычниками», «идолопоклонниками» или «северянами»².

Как следует из всего сказанного выше, главная проблема заключается в том, что мы практически ничего не знаем о том, как видели себя сами викинги — язычество у них шло рука об руку с неграмотностью, а саги, записанные на века позже, едва ли можно рассматривать в качестве достоверного описания мотивов, которыми руководствовались эти люди. Так, например, ученые немало спорили о том, насколько надежно утверждение, приводимое в источнике XI века и гласившее, что викингов гнала в море нужда, так как их земли были перенаселены. При этом первые попытки завладеть землей и основать поселения за пределами Скандинавии были предприняты лишь спустя несколько десятилетий, на протяжении которых викинги совершали налеты на побережье. Первым делом они забирали то, что можно было увезти, — золото, серебро, рабов. Не так давно из этого был сделан вывод, что богатства требовались им для участия в политической жизни в родных краях — соперничество в сфере власти стремительно нарастало, и все происходившее в те годы очень напо-

минало борьбу за власть и влияние в том виде, в каком мы уже встречались с ней в период формирования англосаксонских королевств без малого двумя веками ранее.

Внезапную любовь скандинавских налетчиков к чужому достоянию можно объяснить гораздо проще: они поняли, что могут прийти и взять. Отношения христианских обитателей Британии и Франкии с северными язычниками насчитывали не один век. Развивавшаяся и процветавшая в VII и VIII веках торговля распространилась по всему побережью Северного моря и достигала Балтики. Следствием было взаимопроникновение культур. В своем письме королю Нортумбрии, написанном в связи с нападением на Линдисфарне, Алкуин критикует короля за то, что тот подрезает волосы и бороду так, как это делают язычники.

Однако, хотя скандинавы и вели торговлю со своими христианскими соседями, на долю северян приходилась очень скромная ее часть. Торговые поселения Франкии и Британии росли не по дням, а по часам, короли и монастыри богатели день ото дня, но люди, которые у себя на севере били зверя и привозили шкуры на продажу в Лондон или Ахен, могли рассчитывать лишь на крохи от этих богатств. Масштабный экономический рост предыдущего века породил чудовищное неравенство имущих и неимущих. Скандинавы отлично знали все богатые поселения южных королевств и знали также, что они совершенно не защищены³.

Кроме того, набегам предшествовал прорыв в кораблестроении. Тысячелетиями занимаясь строительством кораблей, скандинавские народы прекрасно умели строить юркие суда, на которых преодолевали небольшие расстояния от бухты до бухты, от острова до острова. Однако эти суда приводились в движение веслами, а что до парусов, то, по имеющимся у нас данным, скандинавы освоили их поздно, значительно позже южан. Паруса, развернутые над юркими кораблями, и стали, вероятно, тем новшеством, которое позволило викингам пересекать Северное море по направлению к Британии и без предупреждения появляться на горизонте. Столетия каботажных плаваний остались позади. Из письма Алкуина мы видим, что скандинавские налетчики у берегов Линдисфарна поразили его до глубины души. «Никто не думал, что они способны одолеть такой путь», — писал он королю Нортумбрии⁴.

И наконец, не исключено, что у нападений имелась также идеологическая подоплека. Насколько нам известно, язычество не требует убийства неверных. А вот христианство VIII века требовало, да еще как. Пусть Бонифаций и подобные ему английские миссионеры и надеялись обратить живущих на континенте саксов силой проповеди, взывая к родству по крови, однако те, кто пришел позднее, насаждали христианство огнем и мечом. В 772 году, в самом начале долгой войны с саксами, Шарлемань срубил их священное дерево Ирминсиль, а десятилетием позднее, когда саксы восстали, король обезглавил четыре с половиной тысячи из них на берегу реки Везер. Вероятно, эта священная война заставила северных язычников ощутить, что их религия и образ жизни находятся под угрозой, и, возможно, убедила их в том, что пришла пора ответить ударом на удар. Если их целью становились монастыри, как, например, Линдисфарн, то объяснялось это, несомненно, тем, что такой монастырь представлял собой слабо защищенное изолированное поселение, расположенное, что особенно удобно, на самом побережье и практически напрашивавшееся на то, чтобы его избавили от лишних богатств; а кроме того, удар, наносимый по монастырю, становился символическим выражением протеста против репрессий со стороны христиан⁵.

Именно эта готовность осквернить самые святые для христиан места и делала викингов чудовищами в глазах христиан. Несмотря на закрепившуюся за ними позднее славу яростных бойцов, на деле они были ничуть не кровожаднее тех же бриттов или франков. Однако христианские правители Британии и Франкии, опасаясь возмущений среди подданных или божественного гнева, практически никогда не трогали церкви. Кроме того, христианские и арабские писатели повествовали о человеческих жертвах в исполнении викингов — о рабынях, которых опаивали и насиловали, после чего убивали ударом ножа либо душили и сжигали, а также о мужчинах, которых вместе с псами и лошадьми вешали в священных рощах. В ходе археологических раскопок в этих точках были также найдены свидетельства каннибализма. Но еще страшнее было то, что совсем недавно англосаксы и сами практиковали подобные ритуалы. Бог Воден, от которого вели свою родословную их короли, ничем не отличался от Одина, которому молились налетчики. И пришествие

викингов знаменовало для англичан борьбу с демонами из собственного языческого прошлого⁶.

За состоявшимся в 793 году нападением на Линдисфарн последовали и другие, причем викинги быстро расширяли район своих действий. В 794 году они вновь явились в Нортумбрию и разграбили монастырь Ярроу, который столетием раньше воздвиг король Эгфрит. В 795 году они сумели добраться до западного побережья Шотландии (вероятно, пройдя долиной Грейт-Глен) и напали на Айону и другие монастыри близ Ирландского моря. Страдали не только монастыри. В какой-то момент до 802 года группа викингов высадилась на побережье Уэссекса, в Портленде (Дорсет) и убила королевского наместника, который вышел приветствовать их, ошибочно приняв за торговцев⁷.

Во Франкии возмездие не заставило себя ждать. В 799 году был впервые зафиксирован случай нападения викингов на франкский монастырь — под атаку попали монахи острова Нуармутье близ Нанта. На следующий год Шарлемань лично отправился на побережье Ла-Манша, повелел выстроить флотилию и назначил стражей, в обязанности которых входило охранять побережье. Однако никаких признаков аналогичных мер, принятых в Британии, мы не наблюдаем. Судя по тому, что в северных анналах этого периода чередой идут упоминания о междоусобных распрях, правители Нортумбрии были слишком заняты грызней друг с другом. На юге король Оффа потребовал от кентских церквей военной поддержки для борьбы с налетами язычников, однако его смерть в 796 году положила конец любым более масштабным начинаниям. Что до его преемника, то у того возникли более серьезные проблемы⁸.

Как мы уже знаем, выпестованный Оффой план беспроблемной передачи власти так ничем и не увенчался, и единственный сын быстро последовал за отцом в могилу. Власть над Мерсией перешла к королю по имени Кенвильф, который утверждал, что происходит из той же династии, однако, вероятно, выдавал желаемое за действительное. С самого начала правления Кенвильф вынужден был иметь дело с многочисленными бунтовщиками, поскольку народы, которые Оффа принудил к покорности, немедленно попытались сбросить ярмо мерсийского владычества. В Кенте вернулся из ссыла-

ки Эдберт Праэн, принадлежавший к старому королевскому роду, а в Восточной Англии начал чеканить собственную монету король по имени Эдвальд.

Поняв, что над его властью нависла угроза, Кенвульф оперативно принялся за дело. Рассудив, что враждебность со стороны кентцев объясняется в первую очередь тем, что Оффа уничтожил Кентерберийское архиепископство ради создания нового в Личфилде, Кенвульф быстро меняет ситуацию: Личфилд обрел свой прежний ординарный статус, а первенство Кентербери было восстановлено. Затем Кенвульф получил разрешение папы, вторгся в Кент, схватил Эдберта Праэна и заключил его в мерсийский монастырь, где ему отрубили руки и выкололи глаза. Нечто в том же духе, вероятно, произошло и в Восточной Англии, поскольку уже спустя несколько лет монеты нового короля Эдвальда исчезли из обращения. В каком-то смысле Кенвульф распространил власть Мерсии даже шире, чем то удалось Оффе. Короли Эссекса по его решению стали всего лишь элдорменами, а Уэльс подвергался постоянным нападениям, в ходе которых армия Кенвульфа доходила до самой Сноудонии. Учитывая, сколько сил положил Кенвульф на борьбу с валлийцами, мы можем резонно предположить, что честь создания рва Уата — земляного сооружения, превосходившего защитными характеристиками вал, насыпанный Оффой, — также принадлежит ему⁹.

Единственным регионом, в котором Кенвульф не сумел восстановить власть, завоеванную его предшественником, стал Уэссекс. Когда Кенвульф пришел к власти, то западными саксами правил Беортрик, с помощью Оффы устранивший некогда своего соперника Эгберта. Однако в 802 году Эгберт вернулся с континента, где много лет пребывал в изгнании, и поднял восстание против власти мерсийцев. Последовала великая битва, говорит нам «Англосаксонская хроника»: Эгберт стал королем, Беортрик же умер. (Погиб в битве или принял иную смерть — хроника не уточняет)¹⁰.

Кенвульф умер в 821 году, и за его смертью последовал хаос, главным бенефициаром которого оказался Эгберт. Источник той поры сообщает, что после того, как мерсийских королей не стало, «поднялась великая смута и вспыхнул раздор между властями предержавшими — королями, епископами и настоятелями церковей Божьих». Кенвульфу наследовал его брат Кёлвульф, однако всего два года спу-

стя его сместил соперник по имени Беорнвульф. Желая, по-видимому, показать себя, Беорнвульф отправился на войну с Уэссексом, но был разбит Эгбертом в битве и на следующий год умер. У Эгберта же все шло как по маслу. Сразу же после победы он послал в Кент огромную армию, изгнал с трона ставленника мерсийцев и в следующие два года подчинил себе Суссекс, Суррей, Эссекс и даже Восточную Англию¹¹.

Оседлав волну долго копившегося возмущения против мерсийского правления, в 829 году Эгберт повел объединенную армию своих новых доминионов на север и завоевал не успевшее сориентироваться королевство Мидлендс, объявив себя его новым правителем. Позже в том же году он продвинулся еще дальше, подчинив Нортумбрию, а на следующий год вторгся в Уэльс и также принудил его правителей к покорности. В «Англосаксонской хронике», написанной в конце того века, составленный еще Бедой список из семи верховных правителей Британии горделиво дополнен именем Эгберта. Победоносный король Уэссекса, объявляет автор, стал восьмым *bretwalda*.

Однако верховенство Эгберта длилось недолго. Спустя всего год он утратил непосредственную власть над Мерсией, и на трон вернулся смещенный им прежде король Виглаф¹². 820-е годы ознаменовались не рождением новой сверхдержавы, а крахом старой, время которой вышло. Мерсийские короли удерживали земли к югу от Хамбера почти сто лет, однако в каких-то десять лет после смерти Кенвульфа империя обратилась в прах. От нее осталось четыре англосаксонских королевства: Мерсия, Нортумбрия, Восточная Англия и изрядно расширившийся Уэссекс.

На протяжении первых трех десятилетий IX века набеги викингов на все четыре королевства, по-видимому, продолжались. Так, в нескольких хартиях, дарованных Кенвульфом людям из Кента, король снова и снова требует принять меры для защиты от нападений язычников, строить и перестраивать укрепления. В одной такой хартии король дарует монахиням Лиминджа небольшой участок земли в Кентербери, «дабы имели убежище в нужде», возникшей, вероятно, в результате нападения викингов. Лиминдж расположен по ту сторону Норт-Даунс, всего в пяти милях от побережья, а следова-

тельно, дерзость скандинавских пиратов переходила все мыслимые границы, однако Кентербери, как мы видим, по-прежнему считался безопасным местом. Нападения продолжались, однако последствия их, по-видимому, считались достаточно заурядными и потому не заслуживали упоминания в «Англосаксонской хронике». По всей видимости, нападения происходили точечно, а нападавшие действовали не системно¹³.

Однако в 830-х годах нападения скандинавских налетчиков стали значительно масштабнее. На континенте ситуация усугублялась междоусобной распрей между наследником Шарлеманя Людовиком Благочестивым и его сыновьями. Старший, Лотарь, заключил союз с викингами и дал им разрешение грабить берега Фризии. В 834 году викинги напали на крупнейший франкский «вик» под названием Дорестада, размерами не уступавший крупнейшим торгово-ремесленным поселениям юга Британии. Из современного события источника, известного под названием «Бертинские анналы», викинги уничтожили Дорестада до основания. «Некоторых людей перебили, некоторых увели пленными, часть... спалили огнем» (перевод Ю. В. Фарафонова). Это было беспрецедентное событие. Располагаясь у слияния двух крупных рек, Дорестада тем не менее лежал в глубине материка, в добрых тридцати милях от ближайшего побережья¹⁴.

Викинги, промышлявшие в Ирландском море, тоже становились все сильнее и увереннее. В 802 году они во второй раз напали на Айону, самый уважаемый из гэльских монастырей, а в 806 году нападение повторилось еще раз и унесло жизни шестидесяти восьми членов общины. Когда же год спустя налетчики явились в четвертый раз, оставшиеся в живых решили, что с них довольно и что уединенный остров, избранный святым Колумбой в VI веке, для IX века чересчур уязвим. Они уехали в Ирландию и основали новый монастырь в Келлсе, на месте древней крепости, в добрых двадцати милях от моря.

Монахи Келлса сумели укрыться от беды, но остальным ирландцам приходилось несладко. К этому моменту викинги грабили уже по всему побережью Ирландии, десятилетие за десятилетием, и атаки их становились все более дерзкими. Порой местные правители давали отпор пришельцам, однако по большей части были заняты

войнами друг с другом либо просто были слишком слабы для сопротивления. К 830-м годам скандинавы безнаказанно устраивали целые походы вглубь острова, уводили множество рабов и даже захватывали епископов и королей, за которых потом требовали выкуп. В 832 году аббатство Арма, расположенное в двадцати пяти милях от моря, подверглось нападению трижды за один месяц¹⁵.

Мы почти уверены, что в Ирландии действовали те же викинги, которые в 836 году высадились на побережье Сомерсета и атаковали Уэссекс. «Англосаксонская хроника» сообщает, что они прибыли на тридцати пяти кораблях — это число так необычайно велико, что его следует отметить особо. Вычислить исходя из этого количество воинов точно невозможно, поскольку корабли могли быть разного размера, однако два наиболее сохранившихся судна IX века — Осбергская ладья (см. цветную вклейку, рис. 14) и гокстадтский корабль — имели пятнадцать и шестнадцать пар весельных отверстий соответственно, то есть на веслах сидело тридцать и тридцать два гребца. Таким образом, флотилия из тридцати пяти кораблей могла нести тысячу человек — а это уже не банда, а скорее целая захватническая армия. Тактика викингов в этом нападении отличалась от привычного «хватай и беги»: вероятно, они намеревались остаться на какое-то время, разбить лагерь и хорошенько пограбить в окрестностях. Это объясняет, почему король Эгберт Уэссекский успел собрать целую армию и вышел на битву с викингами. Они сошлись в Кархэмптоне, но сражение обернулось вовсе не так, как на то надеялся привыкший побеждать король. «Многие были убиты, — пишет «Англосаксонская хроника», — и даны завладели полем битвы»¹⁶ (перевод З. Ю. Метлицкой).

Эгберт сумел спастись от гибели, однако поражение, нанесенное викингами, повлекло за собой серьезный урон его репутации как *bretwalda*. Он отчасти восстановил ее два года спустя, побив армию викингов, которые высадились в Корнуолле и творили там привычные бесчинства, однако после этого решил, что пришла пора расстаться с мечом. С тех пор как Оффа отправил его в изгнание, прошло почти пятьдесят лет. Даже если в ту пору Эгберт был подростком, в 838 году ему должно было быть за шестьдесят. В том же году король созвал в Кингстоне-на-Темзе большой совет и перед его лицом изложил свои планы на будущее. По всей вероятности,

Рис. 16. Гокстадский корабль, построенный в IX веке и найденный в 1880 году. Выставлен в Музее кораблей викингов (Осло)

на этом же совете он устроил посвящение своего сына Этельвульфа, как в свое время Оффа устроил посвящение для Эктфрита, тоже, вероятно, надеясь обеспечить таким образом неоспоримость наследования¹⁷.

Что до Эгберта, то он намеревался отправиться в Рим, где, должно быть, решил провести остаток дней. Это можно было назвать в некотором роде семейной традицией: Кедвал и Инне, его знаменитые предшественники, сложив бразды правления, совершили это путешествие и упокоились в Святом городе. Однако у Эгберта имелись особые, неотложные причины духовного характера. Весной 839 года король отправил посланцев к Людовику Благочестивому, прося его разрешения пересечь страну. Согласно «Бертинским анналам», посланцы предупредили короля о том, что ему следует печалиться о душах своих подданных. Ибо в Англии некоему пресвитеру было видение, повергшее в ужас весь народ, и содержание этого видения составитель излагает далее.

Пресвитеру снилось, будто явился незнакомый ему человек и повел за собой в чужую землю, где было множество чудесных строений. Войдя в церковь, пресвитер увидел многих юношей, читавших книги, а в книгах этих, при ближайшем рассмотрении, строки, написанные чернилами, чередовались со строками, написанными кровью. Строки, написанные кровью, объяснил ему провожатый, есть грехи христианского люда, а юноши — души святых, и плачут об этих грехах. Если люди не устыдятся и не покаются, предупреждал пресвитер, на них падет погибель. «На три же дня и ночи над их землей распространится очень густой туман, и тотчас к ним придут языческие люди с огромным множеством кораблей, и они разорят огнем и железом большую часть народа и земли христиан со всеми, кто ее занимает»¹⁸ (перевод А. Вольнец).

Имя пресвитера-сновидца осталось неизвестным. Он мог принадлежать к свите Эгберта или быть бродячим предсказателем, слова которого достигли слуха короля тем или иным причудливым путем. Однако готовность короля действовать на основании услышанного и тем более то, что он послал вестников к императору франков, говорит о том, как сильно повлияли постоянные нападения викингов на его душевное состояние и на душевное состояние его подданных. Страшные картины язычников, которые появляются из ниоткуда и несут с собой огонь и смерть, обрели плоть и прочно поселились в душах людей.

Увы, Эгберт так и не совершил задуманного паломничества и в том же году умер. Людовик Благочестивый также не успел воспользоваться рассказом, донесенным до его слуха вестниками из Англии, поскольку летом следующего года умер и он. Но если в случае Эгберта все пошло по плану и власть была мирным путем передана его сыну Этельвульф, то Людовик умер в разгар войны со своим сыном Лотарем, который вновь восстал против отца. После смерти Людовика три его оставшихся в живых сына принялись грызться между собой и делить наследство.

Викингам это было только на руку. В 840 году Лотарь вновь заключил с ними союз, на сей раз пообещав одному из вождей часть Фризии в обмен на военную поддержку. («Дело вполне достойное всякого порицания», — гневно замечает автор «Бертинских ан-

налов», ибо «христианские люди служат культам демонов» (перевод А. Вольнец).) Тем временем другие пираты скандинавского происхождения не упустили возможности поживиться в хаосе, порожденном спорами о наследовании. В том же году группа викингов преодолела Ла-Манш и напала на Руан. В «Бертинских анналах» мы читаем: «Неистовствуя грабежами, железом и огнем, погубили город, монахов и остальной народ как убийствами, так и угоном в плен. И все монастыри, а также и все места в окрестностях реки Секваны были либо разорены, либо остались напуганными большими поборами»¹⁹ (перевод А. Вольнец).

Эскалация событий во Франкии привела к тому, что на южном побережье Британии появились целые армии викингов. Элдормены Уэссекса вели борьбу не на жизнь, а на смерть. Элдормены эти, как и их мерсийские братья, принадлежали к числу наиболее могущественных представителей короля, однако земли, находившиеся у них под началом, были поделены не по старым королевствам, а на административные единицы под названием «ширы», из которых состоял весь Уэссекс. И тот и другой термины использовались в Уэссексе еще в VII веке, однако во всей своей полноте раскрылись лишь теперь — так, в «Англосаксонской хронике» упоминаются элдормены, которые вели собранных со всего шира вооруженных людей на борьбу с викингами. В 840 году, когда флотилия из тридцати трех кораблей напала на главный порт Уэссекса Хэмвик, приплывшие на этих кораблях викинги были, как сообщает хроника, перебиты войсками Вульферда, элдормена Хэмпшира²⁰.

Однако победа Вульферда была единственным лучом света в это темное время. В том же году элдормен Этельхельм повел дорсетское ополчение против данов, высадившихся в Портленде, но был разбит и убит; то же самое случилось с элдорменом Эребертом и многими его людьми в Кенте, когда те вышли наперерез викингам, нападшим на Ромни-Марш в 841 году. Позднее в тот же год, сообщает «Англосаксонская хроника», многие были «убиты врагами» на всем восточном побережье, в Кенте, Восточной Англии и Мерсии, а в 842 году состоялась «великая резня» в Рочестере и Лондоне. Наконец, в 843 году за дело взялся сам король Этельвульф — в тот год крупный отряд викингов, по всей вероятности приплывших со стороны Ирландии, высадился на побережье Сомерсета близ

Кархэмптона, совсем как семь лет назад при его отце, и исход был тот же: Этельвульф был побежден, и поле битвы осталось за данами²¹.

Неудивительно, что после такой череды поражений король и его подданные всерьез задумались об укреплении обороны. Как мы помним, в 804 году монахини из Лиминджа нашли убежище в Кентерберии, и, вероятно, не только ввиду его удаленности от моря, но и потому, что место это могло похвалиться кольцом хорошо сохранившихся стен, возведенных еще римлянами. Нечто подобное, по-видимому, пришло в голову и жителям Лондона после нападения 842 года. «Вик», располагавшийся к западу от покинутого римского города, на Стрэнде, прежде рос и увеличивался потому, что имел хороший доступ по воде, однако именно это его свойство теперь делало поселение особенно уязвимым. К концу века оно уже несколько уменьшилось в размерах по сравнению с тем, что было в середине VIII века (причиной считаются пожары, один за другим пронесшиеся по городу). Однако, оказавшись под угрозой нападения со стороны викингов, торговцы быстро решили, что делать им здесь больше нечего, и даже выкопанного в начале IX века оборонительного рва было недостаточно, чтобы их переубедить. К середине века Лунденвик был практически заброшен, а его обитатели потянулись под защиту стен старой римской столицы²².

По-видимому, нечто подобное произошло и в Уэссексе после нападения на Хэмвик в 840 году. Хэмвику повезло меньше, чем Лунденвику, — рядом не оказалось старого римского города. Однако в двенадцати милях от него, если двигаться вглубь острова вдоль судоходной реки Ичен, располагался старый римский город Вента Белгарум, саксам известный под названием Винчестер. Начиная с середины VII века в Винчестере располагался епископ Уэссекский, однако город не был облюбован окрестным людом. Но после нападения на Хэмвик стены старого города приобрели новую привлекательность в глазах торговцев и мастеровых, искавших защиты. Возможно, к этому приложил руку и король Этельвульф. Самое первое упоминание королевского права на крепость в Уэссексе встречается в хартии, изданной им в 842 году. Отец его, Эгберт, был погребен в соборе Винчестера, а сам Этельвульф в 844 году созвал в городе большой совет²³.

После 843 года викинги, бесчинствовавшие на южном и восточном побережьях Британии, вновь обратили взгляды на Франкию. Летом того года сыновья Людовика Благочестивого заключили наконец мир и поделили огромную империю Каролингов между собой, разбив ее на три примерно равные части. Однако согласия между братьями по-прежнему не наблюдалось, и этим поспешили воспользоваться захватчики с моря. В тот год северные пираты напали на город Нант и перебили множество горожан, включая местного епископа. Далее они двинулись вдоль западного побережья Аквитании, грабя все на своем пути. В 844 году они поднялись по Гаронне — одной из важнейших речных артерий Франкии, по выражению автора «Бертинских анналов», «безнаказанно и повсеместно» устраивая грабежи, и не останавливались, пока не достигли города Тулузы, располагавшегося почти в ста пятидесяти милях от моря. На следующий год они повторили набег уже севернее, поднявшись по извилистой Сене на 240 миль, и достигли Парижа, сея на своем пути смерть и не встречая сопротивления. Париж избежал разрушения лишь потому, что новый король Западной Франкии Карл Лысый уплатил им семь тысяч фунтов серебром в качестве выкупа. Это, конечно, не отвратило нападавших от их цели, но лишь отсрочило набеги. В конце 840 года нападения продолжались вдоль Ла-Манша и по всему Атлантическому побережью, горели и удаленные от моря города. В 845 году пал Сент, в 848-м, после долгой осады, — Бордо, в 849-м был сожжен Перигё²⁴.

В Англии в это время дела обстояли не так плохо — нападений на южном и восточном побережьях зафиксировано не было. Возможно, это объясняется в первую очередь тем, что викинги переместились на новые и более изобильные охотничьи угодья во Франкии и не видели нужды возвращаться в Британию, уже обобранную ими в самом начале десятилетия. Набеги со стороны Ирландии продолжались, однако с ними англичане боролись успешнее прежнего. В 845 году элдормены Сомерсета и Дорсета, объединив силы, разбили армию викингов близ устья реки Парретт. Несколькими годами позднее, в 851 году, жители Девона одержали победу над армией язычников, высадившихся на их побережье²⁵.

Однако в том же году викинги, грабившие Франкию, вернулись и высадились на острове Танет близ побережья Кента, и остались

там на зиму. Это было внове, и это тревожило. Северяне зимовали в Ирландии еще начиная с 830-х годов, строили для своих кораблей целые базы, или, по-ирландски, longphorts, самая известная из которых располагалась в устье реки Лиффи и называлась «Черная заводь», или Duiblinn. Во Франкии викинги впервые проделали то же самое зимой 843 года, вскоре после нападения на Нант разбив лагерь на близлежащем острове Нуармутье. Однако оккупация острова Танет зимой 850/1 года стала, как отмечает «Англосаксонская хроника», первым случаем зимовки армии язычников на территории Английского королевства²⁶.

Эта зимовка предвещала серьезную эскалацию конфликта: как утверждает хроника, флотилия викингов насчитывала 350 кораблей. Цифра не вызывает доверия, однако авторы франкских хроник предполагают, что на протяжении 840-х годов размеры флотилии неуклонно росли — в 843 году на Нант напали 67 кораблей, а в 845 году к Парижу пришли уже 120 судов. Если в 851 году викинги действительно располагали флотилией сравнимых размеров, количество воинов на кораблях должно было в два, а то и в четыре раза превосходить число нападавших ранее — теперь их было две или даже четыре тысячи человек²⁷.

Противостоять такой силе было невозможно. В 851 году викинги ворвались в Кентербери, попутно доказав, что римские стены не являются больше залогом безопасности. Затем флотилия переместилась к устью Темзы и двинулась в сторону Лондона, видимо имея своей целью не только заброшенный «вик», но и старинный, обнесенный стенами город. Лондон все еще принадлежал мерсийцам, и король Мерсии Бертвульф, по-видимому, пытался защищать город, но безуспешно, поскольку, как утверждает «Англосаксонская хроника», викинги обратили в бегство и его самого, и его воинов. Огромная орда язычников пересекла Темзу и вошла в Суррей, двадцать пять лет уже считавшийся провинцией Уэссекса, с той поры как король Эгберт отбил его у мерсийского владыки. Сын Эгберта Этельвульф выступил навстречу захватчикам в надежде, что эта битва окажется успешнее боя у Кархэмптона, где бились и он, и его отец. Как ни странно, король и его дружина победили в бою, а их враги понесли тяжелейшие потери. Как пишет хроника, Этельвульф убил «великое множество язычников — доселе мы о другом таком сраже-

нии не слышали». Армия пришельцев была так велика, что победа Этельвульфа должна была показаться чудом — и, как заключает автор «Бертинских анналов», король победил «с помощью Господа нашего Иисуса Христа»²⁸.

Одержав эту судьбоносную победу, Этельвульф решил, что пришла пора позаботиться и о духовной защите королевства, а потому вспомнил отцовское намерение отправиться паломником в Рим. В 853 году он послал в Святой город пышное посольство, в задачи которого входила подготовка к его собственному прибытию. Затем на Пасху следующего года король созвал великий совет, на котором отделил одну десятую королевских земель и даровал их мирянам и клирикам. Частью это было сделано для того, чтобы клирики пуще молились за его безопасность, однако главное, к чему стремился Этельвульф, — заручиться лояльностью («смирненным повиновением и верностью», как писал он в хартии) и тех и других. Этельвульф не планировал оставаться в Риме навечно, как это сделали Кедвал или Ине; он намеревался вернуться в Уэссекс и править дальше²⁹.

К счастью, брак короля и его супруги Осбурги принес множество сыновей, которые могли править, покуда отец был в отлучке. Будто назло современному читателю, имена всех этих сыновей начинались на «Этель» («благородный»), отчего нам бывает трудно их различить. Старший, Этельстан, с момента восшествия отца на трон правил некогда независимыми королевствами Кентом, Сурре-ем, Суссексом и Эссексом, однако в какой-то момент после 851 года умер. Поэтому королевские функции король возложил на двоих оставшихся в живых сыновей: Этельбальда, которому предстояло править древними срединными землями Уэссекса, и Этельберта, который должен был принять под свою руку свежезавоеванные восточные провинции³⁰.

Произведя эти приготовления, весной 855 года Этельвульф двинулся в путь. По свидетельству «Англосаксонской хроники», он путешествовал «с величайшей пышностью». В «Бертинских анналах» говорится о том, с каким почетом принимал его в Западной Франкии Карл Лысый, в сопровождении которого Этельвульф двинулся дальше. Вероятно, путешествие заняло около двух месяцев, и Этельвульф со свитой прибыли в Рим в середине лета³¹.

За сто пятьдесят лет, прошедших со времен Кедвала и Вильфрида, Рим очень изменился. На всем протяжении VIII века численность населения его продолжала падать, и ко времени прибытия Этельвульфа насчитывала, вероятно, не более 30 тысяч человек. Впрочем, это все равно было больше, чем когда-либо видел король или его свита. Как изящно заметил один современный нам историк, крупнейшее поселение Уэссекса — Хэмвик — без труда поместилось бы в римских термах Каракаллы. Ветхости, которую Рим являл миру в VIII веке, тоже поубавилось. За прошедшие годы папы один за другим восстановили множество древних общественных зданий, а благодаря щедрым пожертвованиям Шарлеманя и Оффы даже выстроили некоторое количество новых. Самыми недавними были новехонькие стены протяженностью в две мили, выстроенные вокруг города папой Львом IV после нападения сарацин в 846 году.

Стены стояли, а вот сам папа Лев IV, увы, не дожил до прибытия Этельвульфа, скончавшись 17 июля, то есть несколькими неделями ранее. До посвящения его преемника оставалось несколько месяцев, и планировать повторный переход через Альпы было, по-видимому, уже поздно. В итоге Этельвульф остался зимовать в Риме, молился, вероятно, в многочисленных церквах города, посещал гробницы Кедвала и Ине, щедро раздавал дорогие подношения и дары. В папских анналах мы находим в числе даров золотой венец, позолоченный канделябр и богато украшенный меч³².

Летом 856 года, более чем год спустя после отъезда из Уэссекса, Этельвульф двинулся обратно. Он проследовал тем же путем, по землям Карла Лысого, который и принимал его несколько недель, на протяжении которых произошли два примечательных события. Во-первых, Этельвульф решил взять в жены дочь Карла Юдифь. Осбурга, первая жена Этельвульфа, к этому времени, вероятно, уже умерла, а значит, никаких видимых препятствий на пути к союзу не имелось, хотя разница в возрасте — Этельвулфу было около пятидесяти, Юдифи же всего двенадцать, — возможно, породила некоторые кривотолки. Во-вторых, дошли скверные новости из-за Ла-Манша. Этельвальд, старший сын Этельвульфа, поставленный править Уэссексом, решил не сдавать позиций и принялся плести заговоры, дабы не допустить возвращения отца домой³³.

К сожалению, наши источники не позволяют понять, какое из

этих двух событий произошло раньше, поэтому, что из них было причиной, а что — следствием, мы сказать не можем. Возможно, именно получив весть о сыновней непокорности, Этельвульф решил жениться на Юдифи, дабы заручиться поддержкой Франкии в борьбе за трон. А возможно, решение жениться было продиктовано иными соображениями (дипломатии, престижа, страсти), и именно известие об этом неожиданном союзе стало триггером для сына. Предыдущие короли Уэссекса сводили роль своих жен в политике до минимума, вплоть до того, что не давали им титула королевы. Однако Карл Лысый настоял на том, чтобы его дочь пользовалась всеми королевскими почестями сполна. Как объясняет автор «Бертинских анналов», 1 октября 856 года Юдифь, выйдя замуж за Этельвульфа, была коронована и помазана, после чего муж «официально даровал ей титул королевы, что прежде не было принято ни у него, ни среди его народа». Не исключено, что сын Этельвульфа забеспокоился, как бы двенадцатилетняя мачеха по прошествии должного времени не подарила ему единокровных братьев, у которых были бы более серьезные основания для того, чтобы претендовать на престол³⁴.

Так или иначе, сразу же после женитьбы Этельвульф вместе с молодой женой пересек Ла-Манш и выступил против непокорного сына. О том, что произошло дальше, мы знаем из единственного источника — биографии Альфреда Великого, написанной Ассером примерно сорок лет спустя и описывающей интересующие нас события как «великий позор... о каком в былые времена и не слыхивали». Пользуясь потворством и поддержкой некоторых представителей клира и дворянства, Этельвальд решил воспротивиться возвращению отца и, судя по тому, что пишет Ассер, преуспел. По возвращении домой Этельвульф восстановил свою власть в восточной части королевства — Кенте, Суссексе, Суррее и Эссексе, которыми прежде правил его сын Этельберт. Однако забрать у Этельвальда Уэссекс он, по-видимому, не сумел. Ассер великодушно объясняет это «великой снисходительностью» со стороны Этельвульфа и настаивает на том, что верные старому королю подданные сию же секунду избавились бы от его «надменного» и «алчного» сына, пожелай того Этельвульф. Однако более вероятное объяснение заключается в том, что у Этельвульфа не было иного выхода, и ему оставалось лишь смириться со случившимся³⁵.

Таким образом, на момент возвращения короля обстановка была довольно напряженной и опасно напоминала происходившее на тот момент во Франкии, где раздор в монаршей семье вылился в разделение страны и гражданскую войну, оставив королевство беззащитным перед викингами. В стремлении избежать подобного Этельвульф всячески старался восстановить гармонию. Как сообщает Ассер, он составил завещание, «дабы не было ненужных распрей» между сыновьями после его смерти. План короля заключался в том, чтобы после его смерти королевство осталось разделенным: Этельбальд правил бы на западе, в исконных уэссекских землях, а Этельберт — на востоке. Вскоре после наступления января 858 года король умер, и все действительно получилось так, как он хотел. Старший сын сохранил узурпированную власть, а младший занял место покойного отца³⁶.

Факт раздела разросшегося королевства едва ли можно считать удивительным — именно так, причем вполне эффективно, все было устроено еще тридцатью с лишним годами ранее, когда король Эгберт аннексировал юго-восточные королевства. В годы правления отца Этельвульф управлял новыми землями в качестве заместителя короля, и его сын Этельстан делал то же самое, покауда его не постигла преждевременная кончина в начале 850-х. Королевское завещание могло быть соблюдено лишь при условии, что с ним были согласны главы обеих областей, видевшие в разделении разумный шаг в будущее³⁷.

Тем удивительнее знать, что спустя каких-нибудь два года после смерти Этельвульфа обе половины его королевства вновь воссоединились, как ни старался воспротивиться этому старший его сын Этельбальд. Этельбальд не стал тянуть время и женился, а следовательно, в ближайшей перспективе мог обзавестись собственными наследниками. К сожалению, в жены он выбрал Юдифь, четырнадцатилетнюю вдову собственного отца, и шаг этот возмутил наиболее законопослушных и богобоязненных представителей общества. Сын, взошедший на брачное ложе отца, по словам Ассера, действовал «вопреки запретам Господним и христианскому достоинству, против даже обычаев язычества». Однако новый король, по-видимому, пришел к выводу, что «величайшее бесчестье», как это назвал Ассер, будет с лихвой перекрыто престижно-

стью союза с франкской принцессой и обеспечит их детям приоритетное право на престол, превосходящее любые права младших братьев Этельбальда³⁸.

Однако в начале 860 года Этельбальд умер по неизвестной причине и детей произвести не успел. Предполагалось, что трон старого Уэссекса очевидным образом перейдет к Этельреду, четвертому сыну Этельвульфа, однако знать приняла иное решение, постановив, видимо, что Этельред слишком юн и не может править самостоятельно. Решено было обратиться к его старшему брату Этельберту, который уже правил Кентом, Суссексом, Сурреем и Эссексом, и избрать его королем Уэссекса. Против всяческих ожиданий и вопреки воле старого короля королевство было воссоединено³⁹.

По всей вероятности, выбор знати был продиктован стремлением обрести зрелого короля, способного противостоять угрозе со стороны викингов. Насколько можно судить, этот период династической распри королевство миновало удивительно спокойно, избежав каких бы то ни было крупных набегов. Единственное нападение, зафиксированное в «Англосаксонской хронике» после отбытия Этельвульфа в паломничество, произошло в 860 году, примерно в период воссоединения королевства — «великая сила с моря пришла на сушу и обрушилась на Винчестер». Разграбление очередного обнесенного надежными стенами и вроде бы хорошо защищенного города должно было обеспокоить местных жителей, но западные саксы сумели за себя постоять. Ассер пишет, что, когда грабители уже возвращались на корабли, неся добычу, на них обрушились ополченцы под предводительством элдорменов Хэмпшира и Беркшира. «Язычники были окружены и теснимы со всех сторон, — с воодушевлением заявляет Ассер, — и, будучи не в силах уже сопротивляться, бежали словно женщины, поле битвы же осталось за христианами»⁴⁰.

Этот отряд викингов явился из-за Ла-Манша, где в предыдущие пять лет дело обстояло совсем не так, как в Британии. Как угрюмо сообщает автор «Бертинских анналов», во Франкии скандинавы беспрепятственно плавали вдоль берегов и по крупнейшим рекам, грабили и жгли города — Орлеан, Тур, Нуайон, Амьен, Шартр и Париж. Погибло немало высокопоставленных особ. Епископы Байё и Нуайона были убиты, епископ Шартра утонул при по-

пытке бежать, когда переплывал реку Эр. Впрочем, северяне очень скоро поняли, что заложники — дело прибыльное и приносящее хорошие деньги, а то и просто предлагали жителям города откупиться, обещая в таком случае не жечь и не убивать. Так, в 858 году викинги схватили аббата Сен-Дени и потребовали выкуп столь огромный, что ради уплаты его пришлось опустошить все церковные сокровищницы, а также сундуки дворянства⁴¹.

Но в 862 году в судьбе Франкии случился резкий поворот — Карл Лысый разбил отряд викингов, совершавший набеги по берегам реки Марны (приток Сены к востоку от Парижа). Поднимаясь вверх по реке, викинги уничтожали все попадавшиеся по пути мосты, но Карл с советниками решил быстро восстановить мост в Ильле-Вильнуа, а на берегах по обе стороны разместить войска (вооруженные, вероятно, луками и стрелами или иным оружием дальнего боя). На обратном пути, спускаясь по течению, северяне обнаружили, что путь закрыт и их жизни находятся в руках врагов. Расчет короля оказался столь точен, что нападавшие вынуждены были дать заложников, отпустить всех пленных и поклясться никогда больше не появляться во владениях Карла Лысого. Они пообещали даже, что постараются убедить других викингов на Сене последовать их примеру, а если те откажутся, будут биться с ними.

Воодушевленный неожиданной победой на Марне, Карл принялся строить грандиозные планы — задумал возвести на Сене укрепления, которые позволяли бы отражать атаки викингов в будущем. Позднее в том же году, пишет автор «Бертинских анналов», король «призвал всех вождей своих земель взять работников и повозки и первого июня собраться в месте под названием Питр, где впадают в Сену с одной стороны Андель, а с другой — Эр». Неподалеку от этого места располагался также Пон-де-л'Арш, первый мост через Сену, миновать который незамеченным не мог ни один поднимающийся по реке от побережья корабль. Карл решил превратить мост в военное укрепление, а для этого выстроить по обе стороны от него могучие укрепления. Предприятие было весьма масштабное: даже два года спустя король все еще требовал присылать работников на строительство, а длились работы вплоть до конца десятилетия. Нельзя сказать, чтобы план увенчался полным успехом, поскольку в 865 году викинги вновь прошли по Сене, однако появление укреп-

пленения затруднило грабежи и явственно показало, что Карл намерен защищать свое королевство. В результате кое-кто из северян вновь стал поглядывать на противоположный берег Ла-Манша⁴².

Король Этельберт, сообщает нам «Англосаксонская хроника», начиная с момента воссоединения королевства в 860 году, правил Уэссексом «в мире и благолепии». Но уже в 864 году появились первые признаки того, что мир этот был некрепок: армия викингов оккупировала остров Танет и стала угрожать жителям Кента, требуя от них денег. Местные жители, пишет автор хроники, откупились во имя мира, однако были обмануты: заключив договор, захватчики под прикрытием темноты удалились от побережья и разграбили восточную часть бывшего королевства. Столь дерзкое нападение неизбежно должно было вызвать ответ со стороны короля, однако в 865 году Этельберт умер, и его смерть смешала все планы возмездия. Наследовал ему его младший брат Этельред, который был обойден пятью годами ранее, но теперь получил все королевство целиком⁴³.

Не успел Этельред взять власть в свои руки, как над страной нависла еще более серьезная угроза. Осенью 865 года, пишет автор хроники, на «земли англичан» обрушилась «великая армия язычников». Откуда в точности явилась эта армия, мы не знаем. Часть ее наверняка составляли отряды, за год до того высадившиеся на Танет, — задним числом можно заподозрить, что то была разведка перед вторжением основных сил. Остальные захватчики, вероятно, прибыли из Западной Франкии, где Карл Лысый закрыл для них Сену. Латинский перевод «Англосаксонской хроники» X века содержит упоминание о том, что армию вел некий тиран по имени Ивар, «прибывший с севера». В более поздней традиции этот персонаж известен как Ивар Бескостный, сын легендарного Рагнара Лодброка. Возможно, это тот же самый Ивар, который орудовал в Ирландии в середине IX века, однако к данному моменту исчез из ирландских хроник⁴⁴.

«Англосаксонская хроника» называет армию язычников «великой» (*micel*), однако больше ничего не говорит о ее размерах. Впрочем, тактика и наглость захватчиков действительно свидетельствуют о том, что армия нападавших отличалась огромными размерами. Мы знаем, что на зиму захватчики разбили лагерь в Восточной Ан-

глии и замирились с восточными англами. Иными словами, жители восточного королевства своими руками принесли им деньги и ценности, дабы северяне не пришли и не взяли сами. Однако на сей раз викинги потребовали не только золота и серебра. В хронике также говорится, что им приводили лошадей — явное указание на новую стратегию и цели захватчиков. Теперь это были уже не просто налетчики и даже не оккупационные силы, которые явились на сезон-другой и уйдут, когда полностью истощат благосостояние здешних земель. Нет, то была армия завоевателей, и целью ее был захват всех королевств разом⁴⁵.

Проведя год в Восточной Англии, накопив припасов и хорошо окрепнув, осенью 866 года огромная армия двинулась в Нортумбрию. Ее первой целью стал Йорк, который пал 1 ноября. О самой Нортумбрии, равно как и о Восточной Англии IX века, мы не знаем практически ничего — все хартии или анналы этих королевств были уничтожены в ходе вторжения, однако «Англосаксонская хроника» сообщает, что еще до прибытия великой армии в Нортумбрии царил немиръ. Короля Осберта, сообщает хроника, сверг Элла, «король без права крови», в результате чего начались «большие распри между людьми». Раздоры такого рода играли на руку викингам и, возможно, именно эти внутренние распри и побудили их выбрать Нортумбрию в качестве первой жертвы.

К весне нового года мятежные короли порешили забыть о раздорах и выступили на борьбу с северной угрозой. В марте 867 года их объединенная армия подступила к Йорку, вынудив северян скрыться за стенами города. Стремясь закрепить успех, нортумбрийцы бросились на приступ, но были изрублены засевшими внутри. Оба короля погибли. В сагах, написанных гораздо позднее, в XIII и XIV веках, говорится, что Элла принял страшную казнь «кровавого орла»: казнимому вскрывали грудную клетку, извлекали легкие и укладывали их от шеи так, чтобы они напоминали сложенные орлиные крылья. Любителям подобных кошмарных историй мы сообщаем, что никаких свидетельств реального существования этой практики на данный момент не имеется. По всей видимости, «кровавый орел» стал плодом воображения, подпитываемого одной спорной строкой из стиха XI века — строкой, которая вполне могла означать лишь, что тело Эллы было брошено на поживу орлам⁴⁶.

Оккупировав Восточную Англию и завоевав Нортумбрию, вожди викингов обратили свое внимание на Мерсию. Осенью 867 года великая языческая армия двинулась на юг вдоль реки Трент, в самое сердце Мидлендса, и разбила зимний лагерь в Ноттингеме. Выход песчаника в центре свежестроенного города, позднее — Ноттингемского замка, в те годы уже был превращен в церковь, которую викинги, по всей видимости, захватили, как до того Йорк. Судить о том, сколь грозную силу они представляли, мы можем, основываясь на реакции короля Мерсии Бургреда и его советников, которые вместе порешили, что с захватчиками им не справиться, и стали просить о помощи Уэссекс⁴⁷.

Решение это может показаться удивительным, если вспомнить длительную историю противостояния двух королевств. Еще совсем недавно, в 829 году, Эгберт Уэссекский вторгся в Мерсию и завоевал все королевство. Однако в последующие десятилетия отношения между двумя королевствами теплели, и одновременно с этим все страшной становилась угроза викингов. Что касается сохранения исторических документов, то здесь Мерсии повезло несколько больше, чем Нортумбрии или Восточной Англии, поэтому мы располагаем некоторой информацией. Из хроники мы знаем, что восточное побережье Мерсии (бывшее королевство Линдси) было разграблено в 841 году, а одна из хартий Бургреда была издана, «когда язычники завладели провинцией Рекин», а значит, викинги далеко проникли вглубь суши и достигли Шрусбери (вероятно, поднявшись по реке Северн). Перед лицом общей угрозы Мерсия и Уэссекс вынуждены были сплотиться. В 853 году Бургред попросил Этельвульфа принять участие в экспедиции против валлийцев, а позднее в том же году мерсийский король взял в жены дочь Этельвульфа Этельсвиту⁴⁸.

Таким образом, король Этельред, к которому в 867 году взывал о помощи Бургред, приходился ему шурином. Этельред согласился помочь и привел войско в Мерсию. Встретившись, короли двинули объединенные силы к Ноттингему и осадили лагерь викингов, однако особого успеха не добились. «Язычники, — поясняет Ассер, — сражались под защитой крепостных стен, однако на бой не выходили, христиане же не могли разрушить стену». Итогом стычки стало малоубедительное мирное соглашение между двумя сто-

ронами. Этельред отвел свои войска обратно в Уэссекс, а викинги вернулись в Йорк, где и оставались весь следующий год⁴⁹.

Однако ближе к концу 869 года огромная языческая армия вновь развернула кампанию к югу от Хамбера, прошла по Мерсии и вступила в Восточную Англию, где и зазимовала в Тэтфорде. На сей раз никаких разговоров о мире не было, и жители Восточной Англии, наблюдавшие падение Нортумбрии, по-видимому, осознали, что на кону стоит судьба их страны. Их король Эдмунд повел войско на захватчиков и вступил в яростное сражение. «Увы, — пишет Ассер, — король и с ним многие его люди были убиты, и язычники восторжествовали». Как и в случае с Эллой Нортумбрийским, все истории о том, что Эдмунд был убит по языческому обряду — на сей раз привязан к дереву вместо мишени и утыкан стрелами, — появились гораздо позднее, и мы можем с чистой совестью отместить их как недостоверные. Однако вскоре после своей гибели Эдмунд был прославлен как христианский мученик, и в середине X века его останки были перенесены в королевское поместье, позднее ставшее известным под названием Бери-Сент-Эдмундс. Какова бы ни была его смерть, она положила конец королевству Восточная Англия. После этой победы, пишет автор хроники, викинги «завладели всей землей»⁵⁰.

На следующий год их целью стал Уэссекс. В качестве первого шага викинги пересекли Темзу в Рединге и, по обыкновению, устроились там зимовать. Рединг расположен на перешейке между Темзой и ее притоком Кеннетом, и викинги обезопасили лагерь, насыпав между реками вал — обширное сооружение длиной более трети мили. В то время как часть захватчиков была занята на земляных работах, оставшиеся выезжали в рейды по окрестностям. В Энглфилде, в шести милях к западу от Рединга, против них выступил местный элдормен с дружиной.

Состоялась битва, в которой викинги потерпели поражение. Убито было огромное количество северян, в том числе и один из их вождей, остальные же бежали.

Четыре дня спустя, по-видимому воодушевленный этим успехом, король Этельред привел свои войска к Редингу и атаковал лагерь викингов. Вместе со своими людьми он с боем дошел до защитного вала, убивая врагов на своем пути. Однако ни король, ни его дружина не ожидали, что засевшие в крепости будут сражаться столь

яростно. «Подобно волкам, — пишет Ассер, — они вырвались из ворот и со всей яростью ринулись в бой». Обе стороны сражались не на жизнь, а на смерть, продолжает хронист, однако в конце концов победа осталась за язычниками⁵¹.

Удрученный и терзаемый стыдом поражения, Этельред, по словам Ассера, четыре дня спустя предпринял новую попытку и напал на викингов в месте, называемом *Æscedun*, или Эшдаун, находившемся, по-видимому, в холмах к западу от Рединга. Ассер пишет, что эта битва была проведена по всем правилам, обе стороны выстроили бойцов в строгом порядке, образовав стены из щитов. Язычники, пишет он, имели то преимущество, что нападали сверху вниз по склону, однако христиане сражались за собственную жизнь, за любимых и за родную землю. Армии сшиблись с оглушительным ревом, и закипела долгая жестокая битва. По Божьей воле, пишет Ассер, первыми ослабли язычники, и, когда большая их часть была перебита, прочие «бросились в бесславное бегство»⁵².

На дворе, вероятно, уже стоял январь 871 года. Восточные саксы решили, по-видимому, что теперь-то противник у них в руках. Языческая орда, всего несколькими неделями ранее пересекая все королевство, была, скорее всего, не так велика, как та, что за три года до этого уничтожила Нортумбрию, или та, что предыдущей зимой разделалась с Восточной Англией. Должно быть, в этих регионах оставалось лишь некоторое количество викингов, в обязанности которых входило подавление очагов восстания, а Ивар, самый уважаемый из вождей великой языческой армии, вернулся в Ирландию. Армию, явившуюся в Уэссекс, вели два языческих короля, один из которых звался Багсекг, а другой — Хальфдан, приходившийся Ивару братом. Багсекг и пятеро его лейтенантов («ярлов») были убиты в битве при Эшдауне. За его гибелью последовало бегство, во время которого были убиты многие другие, поскольку христиане преследовали врагов и убивали их до самой ночи. На рассвете следующего дня, пишет Ассер, тела «многих тысяч» викингов «лежали мертвыми по всему Эшдауну, от края до края»⁵³.

Двумя неделями позже Этельред со своей армией атаковал выживших, однако в его глазах это, видимо, должно было стать не жестокой битвой, а зачисткой. Армии сошлись в Бейзинге, примерно в пятнадцати милях к югу от Рединга; как пишет Ассер, битва была

долгой и жестокой. И все же, как это ни странно с учетом заявленных недавних потерь, именно северяне «вырвали победу и оставили за собой поле боя».

Спустя два месяца, говорится в «Англосаксонской хронике», воюющие стороны встретились вновь, на сей раз в месте под названием Мередун, расположение которого нам не известно. Они бились весь день, обе стороны потеряли множество бойцов убитыми, однако язычники вновь одержали победу, а христиане вынуждены были отступить. Немало знатных людей из числа западных саксов полегло в этом бою, пишет хроника.

К этому времени стало уже понятно, что изгнать викингов из Уэссекса будет не так просто, как это могло показаться после поражения при Эшдауне. Обе стороны понесли серьезные потери, и среди западных саксов, вероятно, уже наметилась нехватка кадров. Затем были нанесены еще два удара, повергшие христиан в отчаяние. Во-первых, на Пасху 871 года из-за моря прибыла новая флотилия викингов; пришельцы поднялись по Темзе и влились в ряды стоявшей в Рединге армии. Новоприбывших было действительно много, поскольку в «Англосаксонской хронике» говорится о «великой летней армии». Затем, вскоре после Пасхи, по непонятной причине умер король Этельред. Его бурное правление длилось всего пять лет⁵⁴.

Тело покойного короля было доставлено в Дорсет и похоронено в аббатстве Уимборн. Далее к западу в том же самом шире, а именно в Шерборне, лежали его братья Этельбальд и Этельберт, правление которых также было недолгим. Из пятерых сыновей короля Этельвульфа в живых оставался лишь один, и никакое паломничество в Рим во благо подданных не могло отменить того факта, что самые страшные предчувствия Этельвульфа спустя тридцать лет сбылись во всей полноте. Страна лежала в руинах, и язычники шли по ней с огнем и мечом, без всякой жалости убивая добрых христиан⁵⁵.

Последней отчаянной надеждой жителей Британии остался Альфред — единственный выживший из сыновей Этельвульфа.